

А.К. Гладков
Институт всеобщей истории РАН

Средневековый придворный в зеркале развлечений

Крупный английский интеллектуал и дипломат XII в. Иоанн Солсберийский (1115/1120–1180)¹ прославился прежде всего как автор оригинального политического трактата «Поликратик, или О забавах света и заветах философов» (“Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum”, 1159)², оказавшего большое влияние на всю западноевропейскую общественную мысль. Источники, структура и основные идеи данного сочинения уже давно привлекают внимание исследователей. Однако необходимо признать, что «Поликратик» до сих пор содержит в себе множество вопросов, требующих дальнейшего разрешения и интерпретации. И хотя сам Иоанн Солсберийский не хотел, чтобы его трактат вызвал недовольство со стороны придворных кругов³, как английского короля, так и других государей Западной Европы, он тем не менее подверг уничтожающей критике гедонистический образ «куртуазного общества». Следуя античной традиции, схоласт считает идеалом индивидуальной и общественной жизни гармоничное соединение созерцательного и практического начал человеческого бытия. К этому вполне достижимому идеалу должны стремиться все те, кто составляет ближний и наиболее доверительный круг государя.

Для создания «психологического портрета» придворных Иоанн воспользовался личным многолетним опытом знакомства с нравами западноевропейской аристократии. Мыслитель заостряет особое внимание читателей на «повседневной жизни» английского знати. При этом его не интересует что придворные ели, пили, где жили и как обустроивали свой быт. Основное внимание Иоанн уделяет роли «развлечений» в жизни государства. Для схоласта “nugae” — это призма, через которую предельно четко видны достоинства и недостатки современного ему общества.

Александр Константинович Гладков, аспирант отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН. Сфера научных интересов — интеллектуальная история Средних веков, история политических идей Средневековья. E-mail: alextata@yandex.ru

¹ Schaarschmidt C. Johannes Saresberiensis nach Leben und Studien, Schriften und Philosophie. Leipzig, 1862; Demimuid M. Jean de Salisbury. P., 1873; Webb C. John of Salisbury. L., 1932; Liebeschütz H. Medieval Humanism in Life and Writings of John of Salisbury. L., 1950; Dal Pra M. Giovanni di Salisbury. Milano, 1951; Nederman C. J. John of Salisbury. Tempe, 2005. На русском языке см.: Крылова С.Е. О политических взглядах Иоанна Солсберийского // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков. Л., 1987. С. 29–40; Гладков А.К. Иоанн Солсберийский во Франции первой половины XII в.: опыт прочтения главы II: 10 трактата «Металогик» // Источниковедческие исследования. Рукопись.

² Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum / Recognovit et Prolegomenis, Apparatu Critico, Commentario, Indicibus Instruxit Clemens C. I. Webb / With an Introduction by P. McNulty. N.Y., 1979. Vol. I–II. (1 изд. — Oxford, 1909). (Далее — Policraticus, с указанием тома, книги, главы и страницы).

³ The Letters of John of Salisbury / Ed. by W. J. Millor, S. J. and H. E. Butler. Revisited by C. N. L. Brooke. L., 1955. Vol. I. (The Early Letters, 1153–1163). № 111. P. 182.

Иоанн, без сомнения, не был ни лицемером, ни ханжой, позволявшим себе радости «мира сего», а за другими отрицавшим возможность получения какого-либо удовольствия. Однако тот, кто по воле Господа приближен к государю и активно участвует в жизни страны, не имеет права пренебрегать возложенными на него обязанностями, избегать бремени власти и предаваться удовольствиям. Придворные, изображенные Иоанном в виде «груди» (*latus*), так же как и их государь («голова»), должны жить воздержанно. Вместо этого они с упоением наслаждаются губительными развлечениями.

«*Nugae*» в произведениях Иоанна носят подчеркнуто негативный характер. «Забавы», в представлении схоласта, — тяжкие грехи, повсеместно распространенные⁴ в государстве, поглощающие души и влекущие их в бездну ада. Выбранные мыслителем объекты критики наиболее точно отражают особенности внутренней жизни английского и, шире, всего западноевропейского общества.

В «Малом» «Энтетике»⁵ Иоанн прямо пишет о том, что развлечения «правят» не только в королевском дворе, но и в папской резиденции, как рыцари, так и клирики подвержены пагубному воздействию греха. Одним словом: и стар и млад, и свободный и раб, и богатый и бедный, все живут удовольствиями⁶. Иоанн отмечает, что чрезмерная склонность к наслаждениям влечет за собой потерю разума. Рассуждения мыслителя выходят за привычные рамки христианской моральной философии, порицавшей всякую излишнюю тягу к развлечениям. Иоанн переносит проблему «индивидуального» греха в политическую плоскость. Фактически именно он, одним из первых в XII в., увидел глубину воздействия «забав», воспетых в куртуазной среде и в обиходе самого государя, на существование всей страны. Впрочем, не только Иоанн Солсберийский обрушивался с критикой быта и нравов курии Генриха II Плантагенета. Такие известные мыслители и писатели XII в., как Петр Блуасский⁷, Уальтер Меп, Нигель Вирекер и Герберт Бошем, осуждали и в сатирической форме изобличали варварские обычаи и привычки, присущие поведению приближенных английского короля⁸. Однако только Иоанн усмотрел в этих «тривиальных», казалось бы, «безобидных» поступках политический вред.

Любопытно, например, что заглавие знаменитого сочинения архидьякона Уальтера Мепа «О забавах придворных» (“*De nugis curialium*”) совпадает с первой частью названия трактата Иоанна “*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*”. Вполне возможно, Уальтер имел в своем распоряжении копию произведения мыслителя⁹.

Следует отметить, что критические выпады Иоанна в адрес придворных и их образа жизни были лишь частично изучены Эгбертом Тюрком в его книге о «придворных забавах» в эпоху Генриха II Плантагенета¹⁰ и М. Уилком¹¹, также достаточно бегло рассмотревшим основные тезисы Иоанна.

⁴ John of Salisbury's *Entheticus Minor* // John of Salisbury's *Entheticus Maior and Minor* / Ed. by J. van Laarhoven. Leiden, 1987. Vol. I. P. 238

⁵ «Малый» «Энтетик» (*Entheticus Minor*, *Entheticus in Policraticus*) предвзывает текст трактата «Поликратик», а «Большой» «Энтетик» («Энтетик об основоположении философов» (*Entheticus de dogmate philosophorum*)) является самостоятельным произведением.

⁶ “*Omnia, si nescis, loca sunt plenissima nugis, / quarum tota cohors est inimica tibi: / ecclesia nugae regnant, et principis aula, / in claustris regnant, pontificisque domo; / in nugis clerus, in nugis militis usus, / in nugis iuvenes, totaque turba senum; / rusticus in nugis, in nugis sexus uterque, / servus, et ingenuus, dives, egenus, in his*” (John of Salisbury's *Entheticus Minor*. P. 239).

⁷ Подробнее см.: Cotts J. Peter of Blois and the Problem of the “Court” in the Late Twelfth Century // *Anglo-Norman Studies*. 2005. Vol. XXVII. P. 68–84.

⁸ Jaeger C. S. *The Origins of Courtliness. Civilizing Trends and the Formation of Courtly Ideals, 939–1210*. Philadelphia, 1985. P. 55.

⁹ Introduction // Walter Map. *De nugis curialium* / Ed. by M. R. James. Oxford, 1983. P. XXXI.

¹⁰ Türk E. *Nugae curialium. Le Règne d'Henri II Plantagenêt (1145–1189) et l'éthique politique*. Genève, 1977. P. 68–94.

¹¹ Wilks M. *John of Salisbury and the Tyranny of Nonsense* // *The World of John of Salisbury*. P. 263–286.

Охота (уенatio) — один из самых любимых и наиболее пагубных, по мнению Иоанна, способов «скоротать время». Мыслитель, однако, критикует не сам процесс ловли животного ради пропитания или защиты, а прежде всего «игру», ценой которой является жизнь несчастной твари. Итак, если для одних охота — развлечение, то для других — средство к существованию¹².

На охоте, столь пышно и даже триумфально обставляемой придворными, происходит убийство невинного животного¹³. Ради получения сиюминутного удовольствия аристократы забывают о «всеобщем благе». Только если их помыслы обращены на сохранение жизни народа, его безопасности, тогда избиение зверя может быть оправданно. Так, Иоанн упоминает о «победителе» Алкиде, который преследовал «медноногую лань» не ради личного удовольствия, а ради «всеобщего блага»¹⁴. Мыслитель подчеркивает, что охотник, занятый ловлей животных для развлечения, не способен на «доблесть» храброго воина, поскольку пользуется лишь «хитростью» и «вероломством».

Началом падения любого государства, в частности Афин, Иоанн считает легализацию «искусства охоты»¹⁵, в основе которого лежит принцип беспрепятственного истребления животных¹⁶. Ведь те, кто жестоко убивает слабую тварь и теряет при этом «человечность», сами, незаметно для себя, уподобляются «полуживотным» и «чудовищам»¹⁷, способным столь же жестоко обращаться с людьми.

Рассматривая жизнь как дар Бога (donum Dei), Иоанн справедливо задается вопросом: достоин ли его тот, кто только и умеет, что убивать животных?¹⁸ Во время охоты в человеке просыпаются низменные начала. Он руководствуется лишь своими «инстинктами» и забывает о науках и искусствах. Иоанн постулирует знаменитый

¹² "Nulla uersatur in culpa qui, urgente stimulo necessitatis non reprobati studii exercitio uitam cogitur exhibere" (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 33).

¹³ "Si uero clariore praeda, ceruo forte vel apro, uenantium labor effulserit, fit plausus intolerabilis, exsultant uenatores, caput praedae et solennia quaedam spolia triumphantibus praeferuntur; regem Capadocum captum credas..." (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 22). — Иоанн едва ли считал, что между людьми и животным возможна «справедливость». (См., например, аналогичные суждения Хрисиппа и Посидония, упомянутые Зеноном. Подробнее см.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова. М., 1979. VII. 129. С. 308). — Однако, видя в последних «образ Божий» ("imago Dei"), Иоанн считал недопустимым убийство зверей сверх меры. См.: Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 30.

¹⁴ "Fixerit aripedem ceruam licet, aut Erimanti placarit memora uictor Alcides, non uoluptati suae, sed publicae prospexit utilitati" (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 22). — В данном случае Иоанн прямо ссылается на «Энеиду» Вергилия. См.: «Столько стран не прошел ни Алкид в скитаниях долгих, / Хоть и сразил медноногую лань и стрелами Лерну / Он устранил и покой возвратил лесам Эримарфа» (Вергилий. Энеида / пер. С. Ошерова // Вергилий. Собр. соч. СПб., 1994. VI. 801–803. С. 238).

¹⁵ Иоанн, безусловно, признает, что охота требует большого мастерства, смекалки и искусного владения оружием, однако она лишь в том случае «безвредна», когда является только средством к пропитанию, а не смыслом жизни. Возможно, используя понятие «искусство охоты», Иоанн руководствуется классификацией Гуго Сен-Викторского. Согласно трактату «Наставление к обучению» ("Didascalicon") философия делится на четыре части: «теорика», «практика», «механика» и «логика». К «механике», наряду с сельским хозяйством, торговлей и др., относится также «охота». Однако, в отличие от Иоанна, Гуго не дал «охоте» моральной оценки, его главной целью было систематизировать знание, соединить разрозненные данные в единую, универсальную картину.

¹⁶ "Eo denique tempore primum captiuntur Athenae, quo interdictae uenationis edictum censuerunt esse soluendum, et artem utriusque uenationis cum exercitio publice admittendam" (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. IV. P. 26).

¹⁷ "Nempe qui his studiis aut desidiis insistent, semiferi sunt, et abiecta potiore humanitatis parte, ratione morum digniis conformantur" (Ibid. P. 26).

¹⁸ "Quomodo ergo dignus est uita, qui nihil aliud in uita nouit, nisi uanitatis studio saeuire in bestias?" (Ibid. P. 24). — Иоанн, ссылаясь на слова пророка Иезекииля (Иез. 32, 29–30), говорит, что те, кто жил забавами, уже давно томятся в аду. См. Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 29.

римский принцип "otium post negotium", то есть отдых только после труда, а никак не вместо него¹⁹.

Моральная трансформация человека из «разумного» в «безумного» и «объятого страстями» действительно пугает схоласта, видевшего «перспективы» такого перерождения. Ведь нельзя забывать, что господство греха в душе человека роднит и жестокого охотника, и тирана. Как в охотнике редко встречается скромность и никогда воздержанность²⁰, так и нечестивый правитель «страдает» тем же. За неумеренную жестокость Иоанн сравнивает охотников с Кентавром²¹, а за безрассудство и гордыню — с Нимродом, которого мыслитель называет «отважным звероловом пред Господом Богом» (Быт. 10, 9)²². В основу тирании Иоанн положил принцип получения наслаждения от собственной силы, удовлетворения гордыни и самолюбия при виде несчастья и боли окружающих²³. Фактически тирания — это разновидность охоты, где место животного «формально» занимает человек. В сопоставлении понятий «тирания» и «охота» мы убеждаемся в том, что Иоанн воспринимал их как родственные. Тиран — «враг государства» (publicus hostis), а охотник — «враг природы» (hostis naturae). Пожалуй, единственным их отличием является лишь «объект» и «масштаб». Впрочем, не только тиран получит по заслугам, но и охотник, рано или поздно, будет подвергнут Божьему суду. Тот, кто жил как зверь, как зверь и умрет²⁴.

Память о событиях недавнего прошлого еще больше укрепляет Иоанна в мысли о том, что знатные люди, боясь навлечь на себя гнев Господа, должны всячески сторониться охоты. В противном случае никто, ни придворный, ни король, не может быть уверен, что его не настигнет кара Всевышнего. Иоанн, безусловно, знал, как на охоте погиб ненавидистый ему король Вильгельм II Рыжий²⁵. Данное обстоятельство также должно было отвратить читателей «Поликратика» от охоты. Однако предостережения мыслителя были адресованы в первую очередь Генриху II Плантагенету, который преуспел в этом пагубном занятии²⁶.

Любовь к охоте, по мнению Иоанна, не должна подменять христианских заповедей и наносить ущерб религиозному благочестию или, что не менее важно, отвлекать кого-либо от его прямых обязанностей.

¹⁹ "Quaeruntur otia post labores..." (Ibid. P. 26). Фактически Иоанн переносит принцип «достойного досуга» после трудов, понимаемого и Цицероном, и Саллюстием прежде всего как отказ от активной политической деятельности, в плоскость повседневной жизни каждого человека. Отдых лишь тогда оправдан и благоприятен, когда сменяет труд, а развлечения следуют после лишений. При этом, однако, и на отдыхе не следует предаваться охоте. Возможно, как предположила Б. Смолли, критикуя распространенные привычки охотиться, Иоанн опирался на Саллюстия. (См.: Smalley B. The Becket Conflict and the Schools. A Study of Intellectuals in Politics. Oxford, 1973. P. 95). В сочинении «О заговоре Катилины» историк прямо называет земледелие и охоту «обязанностями рабов». См.: Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины // Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / пер. В.О. Горенштейна. М., 1981. IV. 1. С. 6.

²⁰ "Raro inuenitur quisquam eorum modestus ... et... sobrius numquam" (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 26–27).

²¹ Ibid. P. 26–27.

²² "Primus ergo ponitur Nembroth robustus uenator contra Dominum. Eum reprobum fuisse non ambigis, quem omnium doctorum turba condemnat. Traditur hic in tantam elationis erupisse uecordiam, ut non uereretur iura temerare naturae, cum consortes conditionis et generis, quos ingenus illa creauerat, hic addiceret seruituti". (Ibid. P. 27).

²³ Подробнее см.: Гладков А.К. «Убийство тирана не грех, но благодеяние». Представление о несправедливой власти в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // Средние века. Вып. 69 (в печати); Он же. Интерпретация образа царя Гиркана по трактату «Энтетик об основоположении философов» Иоанна Солсберийского // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 22. С. 54–64.

²⁴ "...bestialemque saepe inuenierint exitum uitae qui dum licuit bestialiter uixerant". (Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 30).

²⁵ "Regibus quoque ipsis manus Domini non pepercit, et in malitiam eorum condignam et gloriosam exegit ultionem" (Ibid. P. 30). О смерти Вильгельма см.: Hollister W.C. Henry I. New Haven; L., 2001. P. 102–103.

²⁶ Warren W.L. Henry II. Berkeley-Los Angeles, 1991. P. 393.

Если радость от развлечений затуманивает рассудок, то от них необходимо отказаться. Именно «умеренность» (*modestia*) выступает главным критерием оценки того или иного занятия, как простого человека, так и придворного²⁷. Остановившись на привычке аристократов занимать себя азартными играми, Иоанн отмечает, что люди не только испытывают судьбу, наживаются на несчастьях неудачников или же сами просаживают состояние, но прежде всего теряют веру в Бога. Ведь любой человек, отдающий свою жизнь на откуп случая, не задумывается о том, что все в мире установлено Творцом и все сообразуется с Его волей. Азартные игры — один из ярких примеров того, как индивид теряет разум, как превращается из человека в животное. Склонность придворных к таким развлечениям, повсеместно перерастающая в «стиль жизни», наносит непоправимый вред всему государству.

Впрочем, и в играх, как отмечает Иоанн, есть положительные качества. Прежде всего благодаря игре, основанной на подсчете чисел, но лишенной при этом духа азарта и жадности наживы, развиваются способности здраво мыслить²⁸. Таким образом, в ограниченных количествах она может принести человеку пользу.

Музыка (*musica*), как неотъемлемая часть «свободных искусств» (“*disciplina siquidem liberalis est*”)²⁹, используется придворными лишь для развлечения³⁰, а не для укрепления людей в вере и любви к Господу. Даже в основе человеческого организма лежит принцип гармонии³¹, которую Гуго Сен-Викторский определяет как «согласие многих противоположностей, сведение к единству»³². С помощью музыки можно возвысить дух, а можно, как это делают аристократы, еще больше укрепиться в своих грехах.

Иоанн Солсберийский прекрасно знает произведения классической литературы, наряду с сочинениями Вергилия и Овидия часто цитирует Теренция и Плавта; он тонко воспринимает дух античного театра. В то же время его оценки ролей, исполняемых актером (*histrio*), мимом (*mimus*) и фокусником (*praestigiator*)³³, согласуются с отрицательными суждениями Отцов церкви и Цицерона³⁴ о лицедействе и характерны как для античной, так и для христианской традиции. Мыслитель считает, что актеры покоряют слушателей не глубиной и искренностью чувств, а странными телодвижениями, гримасами и разнузданностью.

Исследователям трудно упрекнуть Иоанна в предвзятости³⁵ к таким развлечениям, как охота, игры, музыка или театр, поскольку сам мыслитель определил главный критерий оценки любого действия в «предрасположении» (*affectus*)³⁶. Только чело-

²⁷ Иоанн знал суждения Цицерона о вреде чрезмерного наслаждения и, напротив, о великой пользе «умеренности». См.: Цицерон. Тускуланские беседы / пер. М.Л. Гаспарова // Цицерон. Избр. соч. / вступ. ст. Г. Кнабе. М., 2000. IV. С. 315.

²⁸ *Policraticus*. Vol. I. Lib. I. Cap. 5. P. 35–36.

²⁹ *Ibid.* Vol. I. Lib. I. Cap. 6. P. 39.

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Ibid.* P. 39–40.

³² Цит. по: Шестаков В.П. Гармония как эстетическая категория. Учение о гармонии в истории эстетической мысли. М., 1973. С. 77. — По классификации Гуго, музыка наряду с арифметикой, геометрией и астрономией входит в математику, которая, в свою очередь, является частью «теорик».

³³ Подробнее см.: Даркевич В.П. Народная культура Средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М., 1988.

³⁴ Цицерон пишет: «...и наименьшего одобрения заслуживают ремесла, обслуживающие наслаждения. Бегут ко мне приветливо торговцы тонкой снетью / колбасники, пирожники и рыбак ...говорит Теренций; прибавь к ним, если хочешь, людей, изготовляющих благоволия, плясунов и всю игру в кости» (Цицерон. Об обязанностях / пер. В.О. Горенштейна // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / изд. подгот. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек, С. Л. Утченко. М., 1974. I. XLII. 150. С. 96–97).

³⁵ *Policraticus*. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 31.

³⁶ *Ibid.* P. 32.

век, по его мнению, способен придать любому «обезличенному» занятию вполне конкретный образ³⁷. Ведь, например, охота сама по себе не является злом, однако в руках неумеренного и жестокого тирана она становится бичом и для животных, и для людей.

Используемое Иоанном понятие "affectus" в латинском языке означает «состояние, расположение, страсть, аффект»³⁸. Однако уместно его перевести как «предрасположение», поскольку в данном случае, как нам кажется, Иоанн опирался на построения Ансельма Кентерберийского. Согласно Ансельму, человеческая душа имеет четыре способности: «волю» (voluntas), «интеллект» (intellectus), «разум» (ratio) и «предрасположение» (affectus)³⁹. При этом последняя способность свидетельствует о том, что после первородного греха человек не потерял полностью свободу выбора и, по глубокому желанию, может достичь даже в земной жизни блага. Фактически наличие «предрасположения», принципиально отличного от «воли», представляет каждому возможность как духовного, так и физического предпочтения добра злу. "Affectus" — это намерение человека совершить что-либо. Таким образом, обличая «бытовые» пороки придворных, Иоанн указывает на их «духовную» природу и «духовные» последствия.

Иоанн различает два вида «удовольствия» (voluptas): «христианское» — в основе которого лежит любовь к Господу и добродетельный образ жизни — и «языческое», предпочитающее достоинства праведности пиршествам, танцам и разврату. Апология наслаждения приобретает вполне конкретное значение для общества. Мыслитель предостерегает от «эстетизации» греха, от любовного, часто даже неосознанного, упоения пороком и его «пропаганды» в пределах целого государства. Принципы материальной жизни, ее благ и удовольствий противопоставляются идеалам христианского общежития, духовного единomyслия всех членов "cogrus respublicae".

Увлечение придворных «забавами» не оставляет им возможности изучать свободные искусства, постигать глубины мудрости древних. Фактически «корнифии» трактата «Металогик» ("Metalogicon", 1159), ныне неизвестные «ученые мужи», современники Иоанна, столь рьяно нападавшие на логику Аристотеля, сопоставляются с «политическими корнифиями» «Поликратика», с теми, кто отвергает знание и довольствуется лишь сиюминутными удовольствиями. В своей критике куртуазного общества Иоанн скорее предупреждал о последствиях несправедливой жизни придворных, чем «клеил их позором»; он стремился обратить внимание читателей на «моральный облик» власти, призывал отказаться от «показной добродетели» и вступить на путь праведности.

Телесное наслаждение, которое Иоанн образно называет «мачехой добродетели» ("pouerca ...uirutis est")⁴⁰, не может быть источником блага⁴¹. Следовательно, только путем самоограничения человек способен достичь высшего состояния единения с Богом. В том случае, если придворные (и все остальные члены общества) будут жить

³⁷ Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 32–33.

³⁸ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 46; Словарь средневековых терминов // Антология средневековой мысли. Теология и философия Европейского Средневековья. СПб., 2002. Т. II. С. 519.

³⁹ Карева В.В. Гвиберт Ножанский и его сочинение "Monodiae" // Общественная мысль в контексте истории культуры. Сб. в честь А. Э. Штекли / отв. ред. О.Ф. Кудрявцев. М., 2004. С. 19.

⁴⁰ Policraticus. Vol. I. Lib. I. Cap. 4. P. 33.

⁴¹ Платон, например, называл наслаждение «сильнейшей приманкой зла» и, по большому счету, вообще отрицал за ним возможность привнесения в мир блага. См.: Платон. Тимей / пер. С.С. Аверинцева // Платон. Собр. соч. М., 1999. Т. III. С. 475; Он же. Филеб / пер. Н.В. Самсонова // Там же. С. 63. — Это мнение Платона приводит Цицерон в своем сочинении «О старости». См.: Цицерон. О старости / пер. В.О. Горенштейна // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / изд. подгот. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек и С.Л. Утченко. М., 1974. XIII. 43. С. 18.

воздержанно, от Всевышнего последуют милости и благодеяния, государство никогда не постигнет наказание в виде тирании. Идеальный придворный в представлении Иоанна — это «блаженный муж» (Цицерон), сочетающий в себе не только умеренность, внутренний мир и спокойствие духа, но и верность своему господину и долгу. В образе придворного, как в зеркале, отражаются черты его государя, и наоборот, в облике праведного правителя или же тирана проявляются внутренние качества его окружения. Именно поэтому в «Поликратике» отчетливо видна неразрывная связь между верховной властью, властью на местах и простым народом, проявляющаяся во взаимной ответственности каждого члена единого «тела государства».

SUMMARY

The article of Alexander Gladkov "Mediaeval courtier in the mirror of frivolities" deals with the problem of frivolities ("nugae") in social and political life of England in the twelfth century. According to John of Salisbury's "*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*" ("*Policraticus of the frivolities of courtiers and the footprints of philosophers*", 1159) frivolities are the most significant part of "vita tyranni". Not only courtiers, but also kings, live without understanding of their great role in the state. Immoderate love of hunting, games of chance, magic, music and theatre transforms "reasonable human" into "unbalanced animal". These frivolities influence on the courtiers and their king, who substitutes ideals of "common life" and "common safety" for the "love of himself" and self interests. John of Salisbury fights against "epicurean" apology of pleasures in common and individual life of all parts of society, especially in life of courtiers, and defends Christian ideals of moderation. John creates an image of king and his court in the mirror of frivolities. Study of such kind of every day life helps us to understand nature and social peculiarities of the tyranny in the middle ages.